

Внутри

18+

Юля Зу

Юля Зу Внутри

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66877143

SelfPub; 2021

Аннотация

Каждая новая встреча – столкновение со вселенной. Вселенной, заполненной любовью или безразличием родителей, заинтересованностью или ненавистью окружающих, прочитанными книгами, просмотренными фильмами, пережитыми болью и радостью и... столкновениями с другими вселенными. И порой там, внутри этих вселенных можно отыскать такое, о чем никогда не догадывались или отчаянно пытались скрыть даже от самих себя их обладатели.

Каждая новая встреча – это риск быть проглоченным или возможность обогатиться чужой вселенной. Но узнать, чем обернется очередная, смогут лишь отважившиеся погрузиться на достаточную для этого глубину.

Юля Зу Внутри

Студенты сидели по четверо за квадратными столами. Каждый старался перекричать другого. Шум человеческих голосов отгораживал его от реальности, томившейся за огромными окнами зала. Сидевшие с ним за одним столом не обращались к нему напрямую, но периодически бросали вопросительные взгляды, давая понять, что готовы выслушать и его мнение. Но он молчал. Задание было неинтересным. Преподаватель вряд ли стал бы ставить оценку в его первый день в группе. Кроме того он жутко не выспался и ему просто-напросто было лень говорить. Он закинул руки за голову и откинулся на спинку стула, но через несколько секунд понял, что сидеть так совсем неудобно. Тогда он положил локти на стол, подпер голову руками и просидел так до самого звонка. Студенты моментально повскакивали со стульев и почти все исчезли в коридорах университета. Вместе с ними пропал и шум. И в звенящей тишине он ощутил нарастающее беспокойство. Достал из кармана сигареты. Пять безуспешных попыток бросить. Или 50? Он пару раз открыл и закрыл пасть пачки, то обнажая, то снова пряча ряд желтых зубов сигаретных фильтров.

– Дашь одну?

Он поднял голову и увидел над собой девушку. Улыбнулся

ей, напрочь забыв об уродской щербинке между зубами.

– Бери, – протянул он пачку. И она обхватила ее заодно с его кистью, большим пальцем подтянула сигарету вверх. И неприятно кольнуло в ладони, когда она прервала объятия их рук, чтобы окончательно вырвать сигарету из пачки.

– Как тебя зовут? – спросила она вместо «спасибо».

– Дэн, – зачем-то сказал он, хотя никто и никогда не называл его так.

– Это Данила или Денис?

– Денис, – и он снова улыбнулся.

– Пойдешь курить?

Он хотел было заигрывающе переспросить: «С тобой?»

Но тут вдруг вспомнил про щербинку между зубами и сухо ответил «да».

Еще 2-3 дня агонии – и бабье лето должно было окончательно сдохнуть. Но температуры пока хватало на то, чтобы не краснел нос. Эта мелочь радовала ее. В первую очередь тем, что она могла втягивать дым сигареты и лицезреть красоту новичка, не отвлекаясь на мысли о том, как глупо выглядит. «Забавная», «смешная», «милая», «странная», «занятная», «потешная» – какие только слова не вырывались из уст тех, кто замечал отвратительное несоответствие покрасневшего носа тяжелому взгляду ее карих глаз.

– Где ты живешь?

– В паре домов отсюда.

– Как и все мы, – усмехнулась она.

– Звучит так, как будто я должен сожалеть об этом.

Вместо ответа она с силой выдохнула дым и еще раз усмехнулась правым уголком рта. В этот раз он заметил, что от усмешки на ее щеке появилась ямочка. Когда она исчезла, ему тут же захотелось увидеть ее вновь. Он начал думать над тем, что сказать, чтобы вновь вызвать ее усмешку. Ожидание появления этой маленькой темной ямочки приятно разливалось в сердце. Она же продолжала смотреть на его лицо и никак не могла насытиться его красотой.

– Фуф, сдала я-таки этот зачет! Наконец-то! Еще одну пару отсидеть. Тебе тоже? – пулеметная очередь Лериных фраз разбила на мелкие осколки укутавшее их молчание. И он и она услышали падение каждого из них на асфальт.

– Ты же, вроде, не куришь больше? – саркастично бросила она.

– С ума сошла? Ты Валентина Викторовича видела этого? Да после этого зачета я, даже если бы не курила, начала! – и Лера вытянула руку в беззвучной просьбе сигареты.

– У него, – мотнула она в сторону Дениса. Он достал из кармана пачку и протянул этой непонятно откуда взявшейся девушке.

– Спасибо! А ты новенький, да?

– Да.

– Ну, и как тебе здесь? Я, кстати, Лера. Ника у нас не дружит с правилами этикета, – и взяв сигарету в рот, девушка

наклонилась к огню, который он ей предложил. Уже пряча зажигалку обратно в карман, он осознал, что своим поступком ненамеренно противопоставил свои знания этикета ее. Ему стало неприятно, что он не оказался с Никой по одну сторону.

– Я пока не понял как, – проигнорировал он желание начать с «Денис, приятно познакомиться».

– Ну да. У нас тут запутанная система. Кто-то требует учить пособия от корки до корки, кому-то нужно, чтобы купили его учебник, кто-то ставит отлично просто потому, что ты приходишь на экзамен в юбке. Хотя... последнее тебе вряд ли пригодится, – и Лера подмигнула ему. От того, что она заигрывала с ним прямо здесь, при Нике, ему стало не по себе. И даже захотелось извиниться перед Никой за такое поведение Леры.

– Да, Лера в курсе всех слухов в университете. Некоторые даже сама и создает. Только не все об этом знают, – Ника с улыбкой посмотрела на Леру.

– Ну каких слухов? Что ты говоришь? Человек сейчас черт знает что обо мне подумает! Я просто общаюсь с людьми, и мне все рассказывают. Я в курсе всех новостей. Понятно? Новостей и фактов! – и по тому, как Лера улыбнулась в ответ Нике, он понял, что подобные подколы являются для обеих привычными.

Прозвенел звонок, и один за другим студенты покинули солнечный двор. Лера взяла под руку Нику и хотела было

двинуться с ней в сторону входа в университет, но та осталась стоять на месте.

– Я не пойду.

– Да ты что? Одну пару отсидеть осталось! Пойдем!

– Нет. Не хочу. У нас там групповые проекты. И в ведомости уже стоит мое имя. Так что студент гуляет, учеба идет, – и она высвободила свою руку из Лериных пальцев.

– Ну Нииииик! Ну я хочу вместе пойти домой потом. Посиди ты всего одну пару! – канючила Лера.

– Нет, Лер. Давай, завтра увидимся! – она сказала это так жестко, что у него в голове даже промелькнуло: «Несправедливо». Лера же улыбнулась, быстро поцеловала Нику в щеку и, на ходу кинув «приятно-было-познакомиться-я-вечером-позвоню-до-завтра», исчезла в темноте дверного проема.

– Ну, а ты? – неожиданно обратилась она к нему, хотя он сам почти забыл о своем присутствии. – Тоже будешь прогуливать?

Ему снова очень захотелось переспросить: «С тобой?» Но вместо этого он молча кивнул. И они вместе вышли за ограду университета.

– Ника – это прозвище или имя?

– Имя. Сокращенно от Вероники. Розовая сахарная вата.

– А Ника? Победа?

– Кхм... У меня абсолютно нет никаких ассоциаций с

древнегреческой мифологией. Скорее Ника... Ник. Знаешь, емко, как кличка пса. Ник, Ник! – и она рассмеялась.

– Серьезно? Пса? Ты это сейчас придумала?

– Да. А что? Я просто не задумывалась над этим раньше. Но так мне нравится. Ник – верный пес, – и ее смех снова заполнил воздух.

– Лера – твоя подруга? – ему не очень хотелось говорить об этой девушке, но он хотел узнать о жизни Ники побольше, а Лера была ее частью.

– Дочь друзей моих родителей.

– И только? – он расстроился, что не разглядел истинного характера их отношений. Хотя ведь было это «несправедливо», но он не придавал ему значения. Так было с ним почти всегда. Он замечал многое, цеплял на интуитивном уровне, но не знал потом, что ему с этим делать. Не мог использовать. И все эти касания, взгляды, интонации и намеки копились в нем, как вещи на чердаке, обреченные быть забытыми на долгое время или даже навсегда.

– Просто так получилось. Мы вместе росли. Ходили в один детский сад, потом учились в одном классе, вместе поступили в этот универ. Родители постоянно таскали нас друг к другу в гости. Знаешь, как-то в классе 10, наверное, у нас была одна общая проблема, в которой мы понимали друг друга с полуслова. И в тот период я даже почувствовала, что это и есть оно. Ну, как это говорят, родство душ. Только на самом деле это была всего лишь общая проблема. Одна про-

блема. А Лера экстраполировала это взаимопонимание на всю жизнь. Она не видит или не хочет видеть, что на самом деле мы совершенно разные.

– Но быть разными иногда бывает весело. И помогает ощупывать мир с разных сторон. В смысле, она видит хобот, ты – хвост. Получается слон, – и он широко улыбнулся, радуясь наглядности своего примера.

– У тебя хорошие зубы, – от неожиданности он улыбнулся еще шире и как-то странно хмыкнул. – Но мы чужие. Думаю, это слово лучше передает мою мысль. В смысле, когда я вижу слона, она видит гепарда.

Он ощутил потерю. Потерю возможности ответить взаимностью и сказать, что она тоже ему сильно нравится. Она так лихо перескочила с комплимента на объяснения. И теперь он даже не был уверен в том, что это был комплимент. Вернее в том, выражал ли этот комплимент симпатию к нему в целом. Или он тоже всего лишь экстраполировал.

Она жалела о том, что ее слова заставили его задуматься и перестать улыбаться. Ей нравилась его улыбка. И в особенности момент ее зарождения: то, как плавно приоткрывались его широкие слегла обветрившиеся губы, обнажая ровные ряды зубов и между верхними резцами маленькую щербинку. Иногда во время улыбки он высовывал кончик языка и быстро дотрагивался им до середины нижней губы. Так быстро, что на губе почти не оставалось влажного следа. Она хотела сказать ему обо всем, что ей нравилось, но вместо

этого ляпнула про «хорошие зубы». Ей хотелось снова увидеть его улыбку, но на ум не приходило ничего веселого.

– А я ни с кем не общался так долго. Ну, чтобы прямо со школы. И уж тем более с детского сада. Мы постоянно переезжали из города в город. Или в разные районы одного города. В детстве я думал, что мои родители боятся превратиться в деревья.

– А теперь?

– Теперь я в этом уверен, – он сказал это с такой болью в голосе, как будто угроза превращения родителей в деревья действительно существовала.

– Главное, чтобы это не передавалось по наследству, – ее шутка показалась ему забавной. Сам он в последнее время редко находил в себе силы, чтобы посмеяться над собой.

– Ну, я все еще умею ходить. И мой внешний вид пока ни у кого не вызывал сомнений в родовой принадлежности, – он усмехнулся и на этот раз чуть дольше обычного задержал кончик языка на нижней губе.

– Парням с твоей внешностью частые переезды только на руку, – она не улыбнулась, и оттого он не сразу понял, что произнесенное было очередным комплиментом. Он было обрадовался появившейся возможности выразить ответную симпатию, но вслух почему-то произнес другое.

– Звучит как упрек.

Она чуть наклонила голову, внимательно рассматривая его, как будто он был экспонатом в музее – сложным сплете-

нием тонких прутьев, образующих собой что-то глобальное и символичное, но не с первого взгляда узнаваемое. Потом она широко улыбнулась и произнесла:

– Ты совсем не осознаешь этого, да?

– Не осознаю чего? – тронуло его голос беспокойство, распустившее свои ядовитые лепестки где-то в районе желудка.

– Своей красоты.

– Хочешь сказать, что нельзя быть красивым и не пользоваться этим?

– Хочу сказать, что ни разу не видела человека, который бы не осознавал своей привлекательности.

– Да с чего ты взяла?! – и сам поразился пропитавшей слова злости.

– Извини... – и она инстинктивно сделала шаг назад, хотя не только понимала, но и чувствовала, что никакой угрозы от него не исходит. – Не думала, что из прихожей так легко попасть на чердак.

Он сглотнул. Потом сделал два быстрых шага по направлению к ней и положил обе руки ей на плечи. Его нижняя челюсть опустилась на вдохе, и он несколько секунд дышал так, с раскрытым ртом. Он хотел выразить многое, но нужные слова никак не появлялись. Чтобы объяснить эту секундную вспышку потребовалось бы несколько часов и, скорее всего, пачки полторы сигарет. Но стоило ли понимание приглянувшейся девчонки этого заплыва в прошлое?

– Нет, – озвучил он ответ на заданный самому себе во-

прос.

Она продолжала смотреть на него и черные дыры посреди белков ее глаз втягивали в себя его уверенность. – Нет, – еще раз повторил он и хотел тут же развернуться и сбежать, но вместо этого сильнее уперся большими пальцами в ее ключицы.

– Ай, – сорвалось с ее губ. Он понял, что делает ей больно, и разжал пальцы, а затем и вовсе отпустил ее плечи.

– Мне пора. Увидимся завтра, – быстро проговорил он, развернулся и зашагал было прочь, но затем остановился и, повернувшись к ней, добавил: – Оставить тебе парочку сигарет?

– Нет, – произнесла она неуверенно, как будто боясь ответить неправильно.

– Ладно. До завтра. Ника.

Он уже давно скрылся за поворотом, а Ника все еще стояла, мысленно застряв между цепкой хваткой его пальцев и предложением «парочки сигарет».

– Ну ок. Давайте уберем пирожок. Сколько тогда в сумме?

– Не убирайте, – раздался позади нее низкий голос. – Сколько там, полтинник? Возьмите, – и чья-то рука, коснувшись ее правого предплечья, протянула кассиру купюру.

В голове мелькнула мысль, что нужно отказаться. Вернее сказать это банальное: «Ну что вы! Не надо!» Чтобы низкий голос затем ответил: «Да бросьте! Это всего лишь пол-

тинник». На деле же она сразу перешла к заключительному: «Спасибо».

Когда весь заказ оказался на подносе, она подхватила его и отошла на пару шагов. Отсюда она увидела своего мецената со спины. Подобно огромной скале он нависал над прилавком, кассовым аппаратом, продавцом, миром... Он слегка сутулился, но ни на миллиметр не становился от этого ниже. Спустя пару минут он подошел к ней со своим подносом, и она увидела, что еле-еле дотягивает до его груди.

– Пойдем? – сказал он серьезно, и она поймала себя на мысли, что ей приятно слушать его голос. Они сели у окна друг напротив друга. Она улучила момент, пока он перекладывал еду с подноса на стол, чтобы получше рассмотреть его. С первого взгляда трудно было сказать, привлекателен ли он. Но в чертах его лица определенно не было ничего отталкивающего. Короткие черные волосы. Прямой длинный нос. Тонкие губы. Карие глаза. Не такие темные, как у нее, а светлее, намного светлее. Она была уверена, что зубы у него должны быть крупные. Но вот он улыбнулся и обнажил аккуратные, почти что миниатюрные квадратики.

– Что, родители урезали карманные расходы? – произнес он насмешливо.

Она удивленно уставилась на него: так с ходу спихнуть ее на уровень ребенка?

– Ну, рассказывай. Кто ты, чем занимаешься?

– Учусь на юридическом.

– А специализация?

– Гражданско-правовые отношения.

– Скукота. Ни убийств, ни крови, ни насилия.

Ей захотелось рассмеяться, но рот уже был полон еды.

– Когда заканчиваешь?

– Еще этот год. И следующий.

– Хорошо.

– Почему?

– Мне нужны толковые юристы.

– А откуда вы знаете, что я толковый?

Его насторожило это «вы».

– Сколько, ты думаешь, мне лет? – неожиданно для самого себя выдал он.

Резкая смена темы сбила с толку, поскольку Ника даже не заметила этого «вы». Вместо ответа она внимательно посмотрела в его глаза – и он невольно еще больше ссутулился от этого взгляда. Реакция тела удивила его. Что это? Желание стать меньше? Желание стать младше? Ну не спрятаться же, в конце концов?! Хотя с ее стороны это был ни пиетет перед возрастом, ни желание быть вежливой. Просто скале не говорят «ты».

– Тридцать пять, – наконец-то произнесла она. И он чуть ли не вздохнул с облегчением от того, что она не набавила ему лишних лет. Даже, наоборот, скинула пару месяцев. Эти мысли удивили его еще сильнее.

– И что, много это, по-твоему? – небрежно бросил он, в

то время как невидимая рука сжала в кулак разом все его внутренности.

– Ну, относительно королевы Елизаветы – это только едва-едва начало второй трети ее жизни.

– Да на кой черт мне сдалась твоя королева!?! – нетерпеливо проговорил он, хотя про себя искренне и посмеялся над ее шуткой. – Много ли для тебя?

– Ну, этого мало, чтобы стать президентом страны, и много, чтобы начинать спортивную карьеру. А вы с какой целью интересуетесь? Потому что, понимаете, здесь важен контекст.

– Занялась бы ты со мной сексом? А? Как тебе такой контекст? – по тому, как медленно и осторожно она отвела от него свой взгляд, он понял, что смутил ее. Конечно, говорить такое девушке – рискованно в принципе, а уж на пятой минуте знакомства – настоящая глупость. Но хватка невидимой руки стала внезапно такой сильной, непереносимой! У него просто не было сил подбирать слова.

– Думаю, сейчас не самое подходящее время для подобного вопроса, – да, вот сейчас она встанет и уйдет – и от страха у него задрожали пальцы. – Думаю, для того чтобы ответить, мне нужно больше времени. Узнать вас получше, – и она аккуратно, чтобы с боков не посыпались мелко нарубленные листья салата, откусила от бургера.

Слова извинения застряли в его глотке – ни проглотить, ни высказать. И все время, пока она доедала свой бургер, он

в растерянности смотрел на нее с открытым ртом. Он так долго молчал, что она уже начала сомневаться в его реальности. Взрослые мужчины редко обращали на нее внимание: слишком детское лицо. Да и в разговоре, пытаясь произвести впечатление, она обычно несла полную чушь.

– Хорошо, – произнес он наконец. – Давай начнем с кино.

– Чур я выбираю фильм! – радостно выкрикнула Ника, стараясь сделать свою улыбку не такой предательски широкой.

– Конечно, – улыбнулся он, почувствовав, как внутренние органы начали постепенно занимать свои привычные места.

Ника неслась к нему на всех парах, и он почти что готов был широко распахнуть руки, поймать ее в объятия и закружить над землей, но она пролетела мимо и резко затормозила, врезавшись в ограду в паре сантиметров от него.

– О-фи-геть! – выдохнула она. При взгляде на влажные тонкие волосы, прилипшие к ее лбу и вискам, у Игоря снова свело все внутренности – он никак не мог привыкнуть к тем ощущениям, которые Ника вызывала в нем.

– Вы зря не пошли! Ощущения потрясающие. Безопасный адреналин. Обожаю!

– Слушай, может, уже завяжешь с этим «вы»?

– Простите, у меня язык не поворачивается, – потупила взор Ника. Вся ее сущность требовала обращаться к человеку-скале на «вы». А Ника привыкла доверять своему ин-

стинкту выживания.

При слове «язык» воображение Игоря тут же начало вырисовывать непристойные картинки, и, чтобы перекрыть поток возбуждения, он резко оборвал тему: «Ты, наверное, любишь сахарную вату? Я тут где-то видел фургончик, где ее изготавливают».

– Сто лет не ела вату, – и тут же промелькнуло, что в последний раз вату покупал ей ее отец. И это, действительно, было сто лет назад. – Пойдемте.

– Черт, у меня как будто родительский день! – проговорил Игорь сквозь зубы, когда Ника чуть убежала вперед, и вместе с тем обрадовался тому, как ловко ему удалось прогнать из своего тела возбуждение.

Полностью одетый, он лежал на кровати в своей комнате. Вещи были собраны. Оставалось только встать, обуться и выйти из дома. Если бы он сделал это прямо сейчас, он бы опоздал на занятия. Но даже если бы он пришел на них вовремя, он бы все равно почувствовал, что уже опоздал. Что бы он ни делал, ничего внутри него не менялось. За несколько лет они с родителями сменили уже 5 адресов, переезжая из одного города в другой. Раньше они старались подстроиться под его учебный график, теперь это стало несущественным. Он перестал запоминать имена одноклассников, все его вещи умещались в один 70-литровый чемодан, он ничего больше не менял в своих комнатах – они оставались та-

кими же неперсонифицированными во время его проживания, как и до него. В Ростове-на-Дону в его комнате не оказалось кровати – он проспал на полу все 5 месяцев. Скорее всего отец предлагал ему купить кровать, но Денис не проявил заинтересованности, а вскоре снова пришло время переезжать.

– Ты решил не ходить сегодня на занятия? – мать распахнула дверь.

– Пойду ко второй паре.

– Хорошо. Мне пора на работу. Ты знаешь, где лежат деньги. Увидимся вечером, – она подошла к нему и наклонилась, чтобы поцеловать в лоб. Через несколько минут в коридоре щелкнул замок входной двери.

Он мог и вовсе не ходить на занятия. Мог взять все деньги из правого верхнего ящика секретера, и их хватило бы на многие месяцы безбедной жизни: на съем просторной двухкомнатной квартиры где-нибудь в центре столицы, на еду в ресторанах, на посещение ночных клубов, на совместные завтраки с незнакомками, на десятки сеансов в кинотеатрах... Но большая часть денег, конечно, ушла бы на алкоголь и сигареты. Он знал это, потому что все это уже было. Тогда, задолго до того, как закончились деньги, он вернулся к родителям. Не только они, но и он сам боялся превратиться в дерево, вернее, в сухой ствол с пустыми ветвями, который, сколько его ни поливай, не оживет, потому что просто физически не способен впитать в себя воду. По крайней мере

они все еще могли перемещаться, переезжать с места на место. Как раньше, когда у всего этого движения были другие причины. Не было никакого смысла пытаться создавать иллюзию жизни одному. Поэтому он вернулся тогда, поэтому родители знали, что он вряд ли уйдет вновь. Но сам он не был в этом уверен.

Денис проснулся от трели дверного звонка. Он встал довольно быстро, но, когда вышел в коридор, там уже стояли Ника и его мать. Она уже вернулась с работы? А уходила ли она вообще? Да, ведь он слышал щелчок входного замка.

– Может, выпьешь с нами чаю? На улице довольно прохладно. Согреешься.

– Я не замерзла, – неуверенно пробормотала Ника, хотя у самой зуб на зуб не попадал.

Смена сезонов всегда оказывалась неожиданностью для ее организма – и она мерзла в первые дни зимы так, как не мерзла в тридцатиградусные морозы. Денис улыбнулся ей и кивнул головой. – Но я люблю пить чай, – вежливо соврала Ника, поняв приветствие Дениса как просьбу принять предложение матери.

Ника разулась, Денис помог снять ей верхнюю одежду, и они вместе вошли на кухню. Он тут же рванул к шкафу доставать кружки и разливать чай. Мать Дениса уже сидела за столом. Она была красивой женщиной. Даже слишком. Несмотря на полное отсутствие макияжа, довольно незатей-

ливую прическу и домашнюю одежду, казалось, будто она была офотошоплена наживую. Ника села за стол напротив нее. Через пару секунд с балкона кухни появился и отец Дениса. Он тоже был одет в домашнее, но выглядел настолько ухоженным, аккуратным и стильным, как будто только что вернулся со съемок рекламы какого-нибудь элитного мужского парфюма. Отец Дениса поприветствовал ее и сел за стол рядом со своей женой. Ника бросила взгляд на Дениса. Он казался еще более красивым, чем обычно. На этой кухне красоту можно было есть огромными ложками. Она ведь любила наслаждаться ей, пить ее крупными глотками, чувствовать ее сладкий вкус. Но в этот раз наслаждаться красотой мешало чувство собственной неуместности: Ника ощутила себя детской каракулей на страницах глянцевого журнала. Денис подсел к ней, поставив на стол две дымящиеся чашки чая.

– Так, значит, ты учишься вместе с Денисом? – и поскольку ответ был очевиден и так, женщина тут же задала следующий вопрос. – А почему ты решила стать юристом?

Ника внезапно осознала, что никогда прежде не задумывалась над этим. Она положила в кружку пару ложечек сахара и, ухватившись за ложку, как за спасительную соломинку, начала размешивать чай.

– Яяяя, – протянула Ника. – Честно говоря, я никогда не задумывалась об этом.

– Ты вот уже четвертый... Четвертый ведь? – попросив

подтверждения своих догадок у Дениса, отец мотнул головой в его сторону. Тот кивнул. – Четвертый год учишься на юридическом и никогда не задумывалась над тем, почему ты это делаешь?

– Мой папа юрист, – неожиданно быстро, как будто выставила руки перед падением на землю, выпалила Ника.

– То есть ты решила пойти по его стопам, – подытожила мать Дениса. – Но ты уверена, что хочешь заниматься этим? Что это твое?

Ника продолжала размешивать чай. Она перевела взгляд с прекрасного лица женщины на Дениса. Он смотрел на нее, улыбался своей шикарной белозубой улыбкой и, казалось, не особо прислушивался к теме разговора. «Разве мы не должны разговаривать о погоде или о какой-нибудь подобной ерунде?» – пронеслось в голове Ники. Она поняла, что не дождется поддержки Дениса, перевела взгляд на строгое, как будто выточенное из мрамора лицо отца. Он смотрел на нее вопросительно.

– В начальных классах школы мне нравилось смотреть на то, как мой отец сидит за столом, обложенный кипой бумаг и толстенных талмудов, и пишет свои судебные документы. Он часто зачитывал мне их. И я ничего не понимала, но мне нравилась выверенность каждого слова в необыкновенно длинных предложениях, нравились все эти юридические термины. И еще мне нравилось смотреть, как в американских фильмах адвокаты и прокуроры выступают перед при-

сяжными, как они держат их внимание, как они убедительны, даже если их слова имели мало общего с фактами. Я так давно живу с мыслью, что стану юристом, что просто не задумывалась над тем, что хочу стать кем-то еще, – Ника почувствовала, что в горле пересохло, и сделала огромный глоток чая. Он тут же обжег ей небо, но она сдержалась, чтобы не поморщиться.

– Вот ты и ответила на мой первый вопрос, – нежно улыбнулась мать Дениса – и от этой улыбки по телу Ники разлилось тепло. Или это был всего лишь чай?

Выйдя из подъезда дома Дениса, Ника поняла, что забыла отдать ему тетрадь с конспектами, которую он оставил в университете. Странно, что за все время разговора на кухне никто не спросил ее о цели визита. Как будто она только и пришла в их дом для того, чтобы согреться, спрятаться от набирающей обороты зимы и одиночества. Она не спросила, почему Дениса целых 2 дня не было на занятиях, а вместо этого рассказывала ему и его родителям о своем детстве, о работе своей мамы – и мать Дениса даже изъявила желание прийти на стрижку в ее салон, хотя Ника не могла представить, что подобная женщина может воспользоваться услугами местного парикмахера, а не какого-нибудь именитого столичного салона. Она рассказывала им о своем первом опыте вождения машины, и о 8 безуспешных попытках сдать на права, о разочаровании отца в связи с этим... О да, отец никак не

мог понять, почему Ника раз за разом заваливает экзамен в городе, а она боялась ему признаться, что на самом деле никак не может пройти площадку. Она достала из кармана телефон.

– Привет. Можете говорить?

– Да, – произнес он слегка сдавленным голосом.

– Я подумала, может, встретимся завтра, после занятий.

Вы как?

– Завтра? Я буду свободен после часа. Но если ты можешь раньше, то я могу отложить...

– Нет. Не надо. Я тоже заканчиваю после часа.

– Хорошо. Куда мне подъехать?

– Давайте встретимся на центральной площади, у памятника. Вы знаете...

– Да, – перебил он ее, потому что в каждом, даже самом маленьком городе, наверное, есть центральная площадь с памятником, посвященным героям Второй мировой войны. – Я знаю, где это.

– Отлично! Тогда созвонимся, – она чувствовала, что надо сказать что-то еще, прежде чем повесить трубку. Например, что на самом деле она хотела бы встретиться с ним прямо сейчас, что теплота выпитого в доме у Дениса чая выветрилась из ее тела, как только она вышла на улицу, и ей нужен еще чай, или теплые объятия, или это привычное обожание в его взгляде, от которого она чувствовала себя необходимой, нужной и уместной. Но вместо всего этого она просто пове-

сила трубку.

– Пока, – проговорил Игорь звучащим в трубке коротким гудком. Он наконец-то выдохнул воздух, который во все время разговора с Никой стоял комом у него в горле.

– Кто звонил? – раздался женский голос откуда-то снизу, и Игорь дернулся всем телом от неожиданности. Почти так же, как пару минут назад от звонка Ники. Правда на этот раз он быстро собрался и воздух привычно задвигался в легкие и обратно, не задерживаясь в горле ни на секунду.

– Не отвлекайся, малышка, – произнес он, откинулся на спинку кресла, запрокинул голову и вместе с тем привычно запустил ладонь в волосы девушки, наклонив ее голову к своему паху. Он закрыл глаза, и воображение с легкостью нарисовало ему вместо лица девушки, которого он, к своему удивлению, в этот момент даже не мог вспомнить, лицо Ники. По телу, как от стопаря водки, разлилось тепло – от места наибольшей концентрации его внизу живота до самых кончиков пальцев. Мечты о Нике оказались настолько выпуклыми и возбуждающими, что его даже немного затрясло, как от озноба. Через пару секунд он кончил.

– Я уж думала, ты сбежал из нашей альма-матер, – приветливо подмигнула Лера.

– Нет. Просто... плохо себя чувствовал, – соврал Денис, хотя ложь оказалась не такой уж и далекой от правды.

– А, да. Межсезонье – опасный период. Повсюду холод и

инфекции. Надеюсь, ты не принес с собой одну из них?

– Надеюсь, нет, – и он даже нашел в себе силы улыбнуться, хотя в последнее время он ловил себя на мысли, что ему не хочется улыбаться никому, кроме Ники, как будто у него был ограниченный запас улыбок и жалко было делиться ими с кем-то еще.

– Твоя тетрадь. Забыла отдать вчера.

– Спасибо, – и на этот раз Денис улыбнулся со спокойной душой и чувством выполненного долга.

– Ну, пойдем грызть гранит науки? – Ника обхватила Леру с Денисом за талии и потащила в сторону аудиторий.

Ника сидела на лавочке возле дома и ловила ртом хлопья снега. Мысль о том, что отец не звонил ей уже 3 недели, заставила ее поперхнуться очередной снежинкой, умудрившейся долететь через теплую и влажную полость ее рта к самому горлу. 3 недели не звонит. «А как давно мы с ним не виделись?» – она не смогла вспомнить. То ли в начале осени, то ли в конце лета. Организм Ники уже приспособился выживать в минусовой температуре, поэтому внезапная мысль о дальней поездке в Москву ее не напугала. Она резво поднялась на ноги и отправилась на вокзал.

Сейчас отец жил в фешенебельном доме с зеркалами на стенах, цветами на подоконниках и коврах на лестницах. Практически невозможно было нагрянуть к нему в гости без

предупреждения, но теоретически консьержа не оказалось на месте и Ника попала в подъезд с одним из жильцов – молодой девушкой, которую она уже встречала здесь в те разы, что отец приводил ее к себе в гости. Стараясь не смотреть в многочисленные зеркала, чтобы не расстраиваться из-за своего привычно покрасневшего с мороза носа, Ника поднялась на 24 этаж и несколько раз нажала на кнопку звонка. Через несколько секунд зазвучали механизмы отпирающихся замков, а еще через мгновение дверь отворилась и на пороге оказалась молодая женщина – слегка встрепанная, как будто со сна, удивленная и... беременная. Взгляд Ники уперся в ее выпуклый, идеально круглый живот, как дуло пистолета в висок ненавистного врага.

– Привет, Ника, – произнесла женщина спокойно и улыбнулась, слегка наклонив голову.

Ника сглотнула медленно, с огромным трудом. Она плотно сомкнула губы, чтобы не ляпнуть чего-нибудь в ответ, а глаза начало жечь от зарождающихся слез. Она пыталась отвести наконец взгляд от обтянутого красной тканью платья живота женщины, но задача казалась непосильнее с каждой проходящей секундой. Или минутой. Нике начало казаться, что с тех пор, как ей открыли дверь, прошли часы, возможно, даже годы. Нужно было что-то сказать. Ника разлепила губы, открыла рот и вдохнула воздух полной грудью. Еще пару лет она простояла с открытым ртом, потому что все силы уходили на то, чтобы не выпустить слезы из глаз и терпеть

их невыносимое жжение. Когда она уже практически готова была произнести ответное приветствие, на пороге появился отец. Он тут же обхватил женщину рукой и притянул ее поближе к себе. «Как будто хочет защитить», – промелькнуло в голове Ники.

– Вероника, что ты тут делаешь? – он всегда называл ее полным именем – после его ухода было невыносимо слышать, когда кто-то называл ее так же. И он все еще называл ее Вероникой. Как будто ничего не произошло. Как будто он не бросал ее. Да, Ника была уже взрослой девочкой и понимала, что уход отца не имеет к ней никакого отношения, но она никогда не чувствовала этого. Что-то внутри нее кричало во все горло, что в уходе отца из семьи была и ее вина.

– Почему ты не рассказал мне?

– Вероника, почему ты не позвонила? Мать знает, что ты здесь? – отец проигнорировал ее вопрос.

– Почему. Ты. Не. Рассказал. Мне? – не отступала Ника.

– Вероника, нельзя вот так являться. Без предупреждения. У меня ведь могут быть свои дела.

– Да, я вижу. Свои дела, – Ника сделала шаг назад. В ней больше не осталось сил. И за пару мгновений до того, как слезы хлынули из глаз, не принеся ожидаемого освобождения от выжигающей боли, Ника развернулась и стремительно понеслась к лестнице. Даже пробежав четыре лестничных пролета, она продолжала слышать возгласы отца, к которым примешивался голос молодой женщины, выкрикива-

ющей «Ника» с каким-то неожиданным и противоестественным беспокойством.

– Мать попросила заехать полить цветы, пока она в отпуске.

– О, ну, хорошо. Сходим в тир в другой раз, – Нике в общем-то уже давно было все равно, где они проводят время, главное, что они проводили его вместе.

– Рад, что ты так легко пренебрегаешь личным ради общественного, – Игорь ухмыльнулся. Ника уже привыкла к его саркастическим и порой не в меру едким комментариям практически любых ее слов. С ним она и сама оттачивала приемы словесной импровизации. И судя по жалобам Леры на ее грубость, удавалось ей это все лучше и лучше.

– «Интересы большинства превыше интересов меньшинства или одного», – улыбнулась Ника.

– Кого ты имеешь в виду под «большинством»? Мне до этих цветов фиолетово. Я бы тоже лучше в тир ходил. В данном случае мы как раз пренебрегаем интересами большинства ради геморроя одного.

– Оу, это так мило. Несмотря на всю свою крутость и самостоятельность, вы все еще пытаетесь быть хорошим сыном для своей матери, – Ника запрыгала на месте, хлопая в ладоши. Шутки про маменькиного сынка сильно задевали Игоря, хотя Ника до сих пор не могла понять причины. По рассказам Игоря он начал жить самостоятельно чуть ли

не с 18 лет – сначала в съемной квартире, а затем приобрел свою собственную. Бизнес, который он и его партнер построили с нуля, приносил настолько хорошую прибыль, что Игорь смог позволить себе купить таунхаус и заметно сократить свое пребывание в офисе: там уже несколько лет все слаженно работало и без него. И все же он комплексовал. Как будто он все еще жил у мамочки за пазухой.

– Мне повезло, что ты не пытаешься быть хорошей девочкой для своей, – произнес он вкрадчиво практически над самым ее ухом. Ника никак не могла придумать, что ответить. Почти во всех словесных битвах он выигрывал. Но не в этот раз.

– Дорасту до ваших лет, может, и начну, – воткнула Ника слова во вторую ахиллесову пяту Игоря, которую ей удалось обнаружить за несколько месяцев их общения.

– Ладно, – почти незаметно поморщившись произнес Игорь, – поехали побыстрее полем уже эти цветы и займемся интересами большинства.

Квартира матери Игоря больше походила на музей. Аккуратный, чистый, жилой, но с отчетливым запахом, как от страниц старых книг. Игорь поливал цветы и ходил из комнаты в комнату через дверные проемы – в четырехкомнатной квартире было всего три двери: в спальне, туалете и ванной. Ника как раз стояла, опершись рукой об одну из них, и разглядывала огромную кровать с резными спинками и балда-

хин из тяжелой плотной ткани, расшитой, как она подозревала, вручную.

– Сколько лет этой кровати? – неожиданно для самой себя озвучила Ника свое удивление.

– Две сотни. А может, и больше, – раздался голос Игоря прямо над ее ухом. Ника вздрогнула. – Прадед притащил ее из Франции чуть ли не после отечественной войны 1812 года. Прикинь, сколько народу было зачато на этом старье? И я в том числе, – Игорь пристально посмотрел в глаза Ники. В его вопросе абсолютно не было никакого сексуального подтекста. Он просто искренне удивлялся, как до него и сама Ника удивлялась необыкновенной старине предмета, который вопреки возрасту почему-то находился не в музее, и его можно было трогать, на нем можно было лежать и даже... Ника насильно прервала поток мыслей, но Игорь, казалось, все равно услышал их и подхватил: «Ты когда-нибудь занималась сексом на родительской кровати?»

– Вы хотели спросить: занималась ли я сексом на кровати возрастом более двухсот лет?

– И это тоже, – он еще пристальнее вперился в нее взглядом.

– Нет, – и немного погода добавила, – и еще раз нет. Вы закончили поливать цветы?

Он много раз пытался сказать ей, что она спасла его от побега из дома. Тогда, пару месяцев назад, когда она пришла

к нему домой с намерением отдать его тетрадь с конспектами. Но никак не мог поймать момент. Это признание было слишком интимным, чтобы бросаться им посреди учебного дня в перерывах между переходом из одной аудитории в другую. Однажды он встретил ее в местном супермаркете, когда она закупалась вместе с отцом – тот помахал ей рукой издали, пока они с ним разговаривали, стоя у полок с молочными продуктами. От полок веяло холодом, хоть и незначительным, но нос Ники все же приобрел розоватый цвет. Он сам не понимал, почему ему так нравилась эта ее особенность. Хотя, на самом деле, не такая уж и особенность: у кого не краснеет нос на морозе? Но ее нос улавливал малейшее понижение температуры. Он точно знал, когда весна вступит в свои права и пропитает воздух теплом. Только тогда, когда нос Ники перестанет хоть как-то отличаться от цвета всего остального лица. Почему-то именно в супермаркете, среди всей этой темной людской толпы и полок с разноцветными продуктами, он почувствовал, что поймал момент. Он уже даже сформулировал все свои признания в слова, но Ника, быстро выдав ему информацию по будущему графику экзаменов, о котором он ее спросил, попрощалась и убежала к отцу, который снова помахал ей, стоя у кассы и распахивая купленные продукты по пакетам. С тех пор он больше не мог поймать момент. Ника убегала домой сразу после занятий, а иногда и до их завершения. И тогда в остаток учебного дня ему приходилось растрчивать свои улыбки

ки на Леру, а после придумывать все новые и новые причины, по которым он никак не мог проводить ее до дома. Зима становилась все холоднее. И он чувствовал, как одиночество все сильнее сжимает горло и все его внутренности.

– Ведь ты никогда даже не испытывал этого одиночества посреди толпы, среди друзей, в семье? Любимчик всех девочек, пример для подражания для всех парней. Ты вообще знаешь, что это такое, красавчик? Одиночество? – все чаще стал звучать в его голове знакомый голос. «Да, Лидия. Теперь я знаю, что это такое. Знаю, как никто другой».

Игорь совсем не так представлял себе этот момент: обычно девушки визжали, прыгали до потолка, обнимали его и очень старались затем в постели, когда он предлагал, полностью взяв на себя расходы, провести вместе зимние праздники где-нибудь за границей.

– Вы с ума сошли? Мать не отпустит меня за границу с каким-то чужим мужиком, – от последних ее слов во рту у Игоря загорчало так, что отчаянно захотелось сплюнуть.

– Ясно. Значит, ты внезапно стала маменькиной дочкой, – вместо ответа Ника скорчила недоумение на лице. – Ты уже совершеннолетняя девочка. Можешь без маминого разрешения и паспорт себе сделать и из страны вылететь.

– Я ведь не о бюрократической стороне вопроса говорю, Игорь, – от этого «Игорь» во рту загорчало еще сильнее. – Я не хочу, чтобы моя мать все новогодние праздники гада-

ла, вернусь я невредимой или по кусочкам в международных посылках! Что вы, как маленький, обижаетесь?

От того, что Ника была права, Игорь сделался еще злее. Ее отказ был всего лишь проявлением заботы о чувствах матери. Это его ошибка, раз он заранее не позаботился о том, чтобы ходить в статусе «друга семьи», а не «чужого мужика». И вот теперь, несмотря на то, что это Ника не могла уехать без разрешения, это он чувствовал себя обидчивым и беспомощным ребенком.

Отношения с Никой продолжали удивлять его дико противоречивыми эмоциями, которые они вызывали в нем: от приторной сладости на языке от одного только запаха ее волос до болезненного сжатия в груди от как будто бы безразличного скользящего взгляда, который она порой бросала на него, отрываясь от долгого созерцания бегущего за окном пейзажа; от желания кричать на весь мир и хвастаться, что он может говорить с Никой, держать ее за руку, делить с ней время, до практически патологической потребности спрятаться вместе с ней от всего человечества, затаиться в самом темном уголке вселенной и оградить ее лицо и тело от лишних взглядов, единолично и жадно наслаждаясь этими безупречными красотами, фантазируя, как выглядят те из них, что были хорошо очерчены, но все-таки скрыты под одеждой. Ника была совершеннолетней, но он отчего-то чувствовал, что их отношения незаконны и противоестественны. И он не мог придумать ни одной причины, почему бы

он мог не заслуживать такой девушки как Ника, но вместе с тем каждый ее новый звонок удивлял его. Совершенно точно она была с ним не из-за денег: Ника предпочитала обедам в дорогих ресторанах посиделки в Макдональдсе, отказалась как-то заходить в ювелирный, сославшись на то, что не носит украшений, а однажды сама подарила ему цветы, поздравляя с заключением выгодного контракта. И вот теперь отказалась от новогодней поездки. Некоторое время он думал, что Ника хочет похвастать отношениями со взрослым мужчиной перед подругами, но позже выяснилось, что их у нее нет. Порой он задумывался, а можно ли вообще назвать их общение с Никой отношениями в классическом понимании этого слова? Общение с девушкой без секса были для него в новинку. Но он так боялся потерять даже это и вместе с тем так отчаянно хотел большего!

Он заставил себя не злиться. Черт с ней, с новогодней Прагой! У них впереди замечательный вечер: Ника впервые за все время их знакомства отпросилась у матери с ночевкой. Он даже не стал спрашивать, что именно Ника соврала ей. Он просто не хотел примешивать еще больше сомнений в их отношения сегодня.

– Вы здесь живете? – Ника окинула взором выгоревшие обои с желтыми пятнами проступившего клея, дряхлую мебель, вконец вытертые доски пола, пыльные окна в разошедшихся рамах с отслоившейся краской.

– Нет. Здесь я только расчлению тела своих жертв и перемалываю их на котлеты, – как будто в подтверждение его слов с кухни донесся их запах. – Черт! – Игорь метнулся на кухню.

Сделав 2 шага, Ника оказалась там же: квартира была не только ветхой, но еще и очень маленькой.

– Я же продал старую хату, а ремонт в таунхаусе еще не сделал. Вот, приходится кантоваться у друга. Я лучше потрачу бабки на наши веселые приключения, чем буду отдавать их за шикарную нору.

– Шикарную? Достаточно было бы хотя бы человеческой.

– Ой, да брось. Тут все работает. Просто мебель старая: другу квартира досталась от умершей бабки. Небольшой косметический ремонт и нора станет человеческой.

– Небольшой? – продолжала гнуть свою линию Ника.

– Да. Переклеить обои, поменять всю мебель, вставить новые окна, отциклевать и залакировать полы... – он остановился. – Да, на самом деле работы тут до фига, – и громко рассмеялся.

Котлеты были вкусными. Настоящие домашние котлеты. Игорь даже сам сделал фарш.

– Не знала, что вы умеете готовить, – пробубнила Ника с набитым ртом.

– Ты еще очень многого не знаешь обо мне, детка, – в последнее время сексуальный напор со стороны Игоря становился все сильнее. Поначалу Нике было неудобно, хотя ско-

рее непривычно, что взрослый мужчина проявляет к ней подобный интерес, а теперь ей это даже нравилось, хотя она никогда и не отвечала на его подкаты и, фактически, все их игнорировала. Она сама не могла понять, почему ведет себя так. Конечно, Игорь бы не стал связываться с девчонкой, если бы не хотел затащить ее в постель. О своих намерениях он, собственно, прямо заявил в первый же день знакомства. Порой она чувствовала, как от очередной его фразочки с сексуальным подтекстом в ней зарождалось возбуждение. Оно распушалось внутри ее живота и протягивало свои красные стебли во все оконечности ее тела, пронзая насквозь каждый орган. Но каждый раз, когда стебли пытались прорваться в голову, и та начинала кружиться, Ника подавляла возбуждение. И по возвращении в реальность она пыталась разглядеть во взгляде Игоря, заметил ли он тот эффект, который его слова произвели на нее. Но поскольку внешне она всегда оставалась спокойной и даже румянец не проступал на ее щеках, Игорь никак не мог догадаться.

– Чем займемся вечером? Я так понимаю, что в ресторан мы уже не пойдем.

– Идем на день рождения моего друга.

– Хозяина квартиры?

– Нет, – засмеялся он. – К моему старинному приятелю.

Дружим со школы. Столько, сколько мы дружим...

– Что, неужели с отечественной войны 1812 года? – на этот раз шутка про возраст не заставила Игоря состроить

гримасу. Видно было, что он действительно рад тому, что имеет такие долгие дружеские отношения с именинником.

– Он классный. Доедай быстрее и поехали. Хочу поскорее с ним увидеться.

«И показать ему тебя», – подумал он следом, но не озвучил.

В промежутках между хищными взглядами Вадима на Нику, Игорь одну за другой опрокидывал в себя рюмки текилы. И чем больше становилась концентрация алкоголя в крови, тем раздражающее становилась атмосфера вокруг. Ника почему-то весь вечер старательно выдергивала свою руку из его и каждый раз отодвигалась, когда он даже случайно касался ее плечом или коленом. При этом всякий раз, когда Вадим подходил к ним, чтобы справиться о настроении, и его рука оказывалась на плече Ники, она улыбалась и вовсе не пыталась ее скинуть. Да еще из головы не выходило это дурацкое «моя подруга», когда он представлял Нику Вадиму. Между ними никогда не было соперничества, их связывал ворох совместных воспоминаний и годы дружбы. Но в этот вечер он отчаянно ненавидел Вадима за его лысый череп, который придавал ему брутальности, за его приторную вежливость, и обходительность, и искрометный юмор за праздничным столом. «Ошибка! Это была чертова ошибка тащить ее сюда», – не выкручивалось из его головы. Он хотел похвастаться перед другом – и уже это само по себе было стран-

ным, ибо за все время их общения у него ни разу не возникло подобного желания, – а вместо этого так выпукло и так отчетливо осознал, что Ника вовсе не его девушка. Не его.

Когда он в очередной раз очнулся от своих навязчивых мыслей, то обнаружил себя за праздничным столом одного – гости переместились кто в бар, кто на танцпол. Он судорожно начал выискивать Нику глазами, пока не наткнулся на ее спину, а через некоторое время она сменилась спиной Вадима. «Твою мать!» – выкрикнул он, опрокинул в себя очередную стопку текилы и кинулся из-за стола. Он подскочил к танцующим Нике и Вадиму, сильно дернул последнего за обнявшую ее торс руку. На лицах обоих читалось недоумение.

– Отвали! Ясно? Перестань ее лапать!

– Никто никого не лапает! Мы танцуем, – вскрикнула Ника, уязвленная обвинениями Игоря.

– Мы с тобой дома поговорим, – быстро кинул ей Игорь и ткнул Вадима пальцем в грудь. – Что ты себе позволяешь, а?

Вадим молчал. Со стороны казалось, как будто он замер на счет три, словно в детской игре. Замер в позе ошарашенного самого себя, вперившего взгляд в Игоря.

– Что ты молчишь, а? А?

– Какого черта? – наконец еле слышно проговорил Вадим.

– Вот именно?! Какого черта ты устраиваешь? – подхватила Ника, но Вадим тут же, не поворачивая головы в ее сторону, положил ей на плечо руку, как бы прося не вмешиваться, но вместе с тем благодаря за поддержку.

– Какого черта ты развязался? После всего того дерьма, через которое ты прошел? Через которое мы прошли? Что, так сильно повыветрились воспоминания за 2 года? Со-скучился по сеансам психотерапевта? Захотелось поблевать ночью над унитазом? Какого черта ты решил, что имеешь право вот так вот просто взять и вернуть себе свой потерянный ад?

– Давай ты не будешь переводить тему, да? Ты весь вечер в гляделки с моей девушкой играл, а теперь вот под конец еще и облапать решил.

– Дурак! Я весь вечер на тебя пялился, потому что ты с такой смурной рожей сидел, с какой бывало проводил время в запоях. Я просто, идиот, не мог заставить себя поверить, что ты вот так вот просто возьмешь и положишь на все, чего добился! Валил все на ссору, может, вашу с Никой, хотел вот узнать у нее...

– Ну да. Типа, ты такой заботливый, мой дорогой друг! Типа, я все не так понял, да? Типа, я тут перегибаю палку, да?

– Да. Именно это я и хочу сказать, – и Вадим неожиданно повернулся к Нике и спросил уже у нее. – Давно он развязался?

Все это время Ника внимательно слушала диалог мужчин и вспоминала: за месяцы их знакомства с Игорем она ни разу не видела, как он выпивает. Хотя и не должна была, ведь Игорь всегда был за рулем. А вот сегодня она видела, как

Игорь опрокинул пару стопок текилы, но не сочла нужным говорить ему что-то по этому поводу, поскольку не считала пару стопок угрозой безопасному вождению, да и всегда можно такси вызвать.

– Я не знаю, – наконец выдохнула Ника. – Только что? – и посмотрела при этом на Игоря – волосы всклокочены, на висках испарина, губы сжаты в тонкую кривую полоску. Он слегка пошатывался и, хоть взгляд его и обратился в сторону Ники, смотрел сквозь нее.

– Я вызову такси, – беспомощно выдохнул Вадим. – Вы все еще на Дивной живете? – снова обратился он к Нике. Она не стала поправлять это «вы» и объяснять, что и не живут, и название улицы под сомнением, а просто кивнула в ответ. Игорь тоже было открыл рот в сторону Вадима, но, когда тот начал говорить с оператором, отвернулся, а потом и вовсе зашагал от него прочь, так ничего и не произнес, медленно сомкнул губы и довольно улыбнулся.

Игорь тоже заметил это «вы», поскольку местоимение это до сих пор неприятно резало ему слух. Но не в этот раз. Ни одна стопка сегодняшней текилы не лилась подобным теплом по глотке, как это «вы» из уст Вадима. Весь морок сегодняшнего вечера внезапно рассеялся. Ника стояла рядом, держа его за руку и вперившись в него внимательным взглядом своих практически черных глаз.

– Мне нужно в туалет, – скороговоркой пробубнил он.

– Мне пойти с тобой? – заботливо спросила Ника. Он по-

смотрел на нее удивленно, как будто только что неожиданно обнаружил ее рядом с собой, и снова довольно улыбнулся.

– Я сам, – и засеменял от нее прочь.

– Такси приедет через 10 минут, – рядом с Никой снова возник Вадим. Он выглядел грустным.

– Извини, что так вышло. Я не знала.

– Да ты-то тут при чем? – улыбнулся он, но при этом глаза его остались грустными.

– Ни при чем. Наверное. Так же, как и ты. Он ведь взрослый человек.

И добавила, немного помолчав: «Ты хороший друг. Тебе не все равно».

– Ты считаешь? – он посмотрел ей в глаза и удивился потрясающему несоответствию детских черт ее лица прямоте и строгости взгляда. – Только сегодня я сплеховал, верно? – и он подмигнул ей, желая хоть немного разрядить обстановку и, самое главное, избавить взгляд Ники от этой выедающей сущность серьезности.

– Это твой вечер. Ты не обязан был проводить его, держа Игоря за ручку, – Ника пыталась успокоить Вадима, хотя сама с трудом гнала от себя тревожное чувство, что произошло нечто страшное. Такое же появлялось в ней при каждой новой ссоре родителей непосредственно перед их разводом. Она очень хотела расспросить Вадима о подробностях того ада, который он упоминал, но ей было неудобно и страшно. Она надеялась, что все обойдется. И шансов было тем боль-

ше, чем меньше она знала. Она убеждала себя в этом. Как и тогда. А вдруг сработает в этот раз?

Всю дорогу Игорь проспал у Ники на коленях. Когда она уже было расслабилась, узнав в ночной темноте тот самый дом, из которого они с Игорем выехали сегодня днем, обнаружилась новая проблема: человек-скала не хотел просыпаться. Щупленький мальчик-таксист вряд ли смог бы помочь с доставкой, да и не его это работа. 15 минут ушло на то, чтобы разбудить Игоря, выйти из такси и дойти до подъезда. Потом Ника долго искала ключи по карманам его одежды, пока Игорь, лбом прислонившись к входной двери, глупо и довольно улыбался. На 5 этаж – чертовы старые пятиэтажки – пришлось подниматься пешком целую вечность. Игорь постоянно накренился в разные стороны: то опасно повисая на шатающихся ржавых перилах, то плотно прижимаясь к ободранным стенам подъезда, заодно прижимая к ним и Нику. Порой он поднимал вверх руки и брал голову Ники в свои огромные ладони. Долго смотрел на нее, поглаживая большими пальцами ее щеки, а она уговаривала его идти, идти дальше, потому что осталось совсем чуть-чуть, но вместо членораздельных звуков выходило невнятное бормотание: Игорь настолько сильно сжимал ее лицо, что губы складывались в трубочку.

Попав домой, Игорь тут же направился к туалет и довольно долго освобождался там от домашних котлет и все-

го остального, что ему удалось попробовать сегодня в ресторане. А Ника сидела с ним рядом, как когда-то, видимо, сидел Вадим, и держала за руку. К счастью, до постели – разложенного, но не застеленного дивана – Игорь дошел сам. Он на ходу скинул всю одежду – Ника даже звука не успела произнести, как уже увидела его член, а затем и задницу. Она хмыкнула, улыбнулась и почувствовала легкость и в то же время дикую усталость. Она присела на диван рядом с рухнувшим телом. Некоторое время она смотрела на его затылок, а когда уже было собралась свернуться клубочком у его ног, Игорь неожиданно ловко извернулся, быстро взял ее ладонь в свою и неестественно членораздельно для своего состояния, хотя и не открывая глаза, произнес: «Ника, как же я тебя люблю!» Она снова улыбнулась, хоть и понимала, что сказано это было под влиянием алкоголя. Тревога внутри нее ослабила хватку. Она наклонилась, чтобы поцеловать его в лоб, а он вплеп пальцы свободной руки в ее волосы, еще ближе притянул к себе и все так же членораздельно добавил: «Я никому тебя не отдам. Никому». Ника обмякла и со всей тяжестью навалившейся на нее усталости и почему-то чувства вины, погрузилась в его объятия.

Яркий луч дневного солнца защекотал ее левый глаз – и Ника проснулась. Она резко поднялась и выдохнула «черт». Несколько секунд ушло на то, чтобы осознать, где она и как тут оказалась. Затем она села на краешек дивана, чувствуя,

как теплое тело Игоря касается ее спины. Она встала. Осторожно села на стоящий рядом с диваном стул, но он все равно недовольно скрипнул. В свете солнца диван казался еще более потертым, пятна клея на обоях еще более желтыми, а лицо спящего Игоря выглядело помятым, как скомканный лист бумаги. Она видела все очень ясно: четкость линий, скудость цветов, отметины беспощадного времени на ковре, торшере, его теле... Она захотела его так же невыносимо и естественно, как выпить стакан воды при похмелье. В этом желании не было ничего сексуального. По крайней мере обычно не так она чувствовала в себе возбуждение от тел, которыми желала обладать, и даже от слов Игоря, который желал обладать ею. Ей вспомнились вчерашние его признания – и новая волна возбуждения накрыла ее так неожиданно и резко, что сбилось дыхание. Медленно и как можно более бесшумно она сняла с себя одежду, снова присела на край дивана и склонилась над лицом Игоря. Она поцеловала его в губы – никакой реакции. Провела рукой от шеи до паха – ничего. Пристально смотря на его лицо, она стала возбуждать его рукой. Член стал твердым почти сразу же, но на лице по-прежнему не проступало никакой реакции. Спустя пару минут дыхание Игоря стало громче. Он перекатился с боку на спину, и уголки его губ его едва заметно, но вполне отчетливо, вздернулись вверх. Ника чуть изменила позу так, чтобы снова приблизить к нему свое лицо. Внезапно он схватил ее голову рукой, притянул нос к носу и, открыв глаза, присталь-

но устался на Нику. «Почему ты остановилась?» – произнес он так же отчетливо, как и накануне вечером. Вместо ответа Ника продолжила движение рукой. Игорь продолжал не отрываясь смотреть на нее, и в расширяющихся зрачках его глаз, и в раскрывающейся улыбке, и в хватке сжимающей ее череп руки, она чувствовала возрастающую силу его желания. И чем сильнее становилось оно, тем покорнее ощущала себя Ника. Сейчас Игорь мог сделать с ней все, чего бы ему только ни захотелось. Но он не чувствовал этой податливости в ней и, боясь спугнуть момент, лишь смиренно наслаждался примитивными движениями ее рук, взглядом ее темных глаз и теплом ее тела. Игорь даже не понимал до конца, спит ли он еще или галлюцинирует с похмелья.

Внутри нее было тесно. Он боялся двигаться слишком быстро или слишком глубоко, а порой и двигаться вовсе. Он спал и с более миниатюрными девушками, но Ника казалась настолько хрупкой, что он даже взгляд на ее теле боялся задерживать слишком долго, чтобы не стереть ей до крови кожу. Каждый раз когда Ника воздевала вверх руки, он ждал удара в грудь, который бы сверг его с покоренной им вершины. И каждый раз, когда вместо удара она притягивала его тело ближе к себе, внутри него что-то взрывалось и жгло, принося нездоровое мазохистское наслаждение. Ника пила его страсть огромными глотками, жадно и нагло, как обычно поглощала красоту из этого мира. Понимание того, что в этот самый момент она принадлежит ему всецело, а он как будто

боится превысить лимит отпущенных ему касаний, боится слишком сильно выдохнуть возбуждение из легких, ввергло ее в наркотическое состояние – тело набухало, расширялось в пространстве и вместе с тем легчало, разум плыл.

«Над чем ты смеешься?» – хриплым, сбивающимся голосом произнес он. Ника сделала пару входов и выходов в ожидании, когда смысл сказанного Игорем наконец доберется до ее сознания, она повернула к нему голову и улыбнулась еще шире: «Ни над чем. Просто улыбаюсь». «Ну да, конечно», – и не без труда он подавил в себе желание немедленно сжать рукой ее маленькое прекрасное личико.

Он услышал глухой удар в окно. «Наверное, показалось», – пронеслось машинально. Но через пару минут звук повторился. Он поднялся и вышел на балкон. Внизу стояла Ника с очередным снежком в руке. Увидев Дениса, она опустила руку и широко улыбнулась: «Эй, спускайся снеговиков лепить!»

Когда он спустился, Ника лежала на снегу, ловила ртом снежинки и активно двигала руками и ногами, пытаясь сотворить снежного ангела.

– Я думал, мы будем снеговиков лепить, – он склонился над ней и, уже в который раз забыв про треклятую щербинку, улыбнулся.

– Позже. Ложись! – Ника схватила его за рукав парки и потянула. Денис упал на спину с ней рядом – снежный по-

кров оказался мягким, как перина. Она повернула к нему голову и стала смотреть, как осторожно и медленно снежинки прекращают свой витиеватый танец на его меховом капюшоне. Понаблюдав за снежинками, Ника придавила рукой капюшон Дениса к земле, чтобы увидеть его лицо. В очередной раз она любовалась им и думала о том, как много красивых лиц сгинуло в небытие, не будучи увековеченными на пленках, полотнах, в камне... Как бы ей хотелось уметь делать хоть что-то из того, что помогло бы ей запечатлеть это удивительное сочетание черт, посреди всей этой ежедневной обыденности каждый раз приводящее ее в трансцендентное состояние, вырывающее из реальности в пространство не способной быть осмысленной, а потому как будто бы бессмертной, бесконечности вселенной, частью которой Ника станет после своей смерти. Но она не умела. Она не могла ни обесмертить красоту, ни обладать ею. Денис был первым, к кому Нике удалось подойти так близко, – обычно она наблюдала за красотой людей издалека. Это было элементарным вопросом безопасности – инстинктивно Ника чувствовала, что не сможет сопротивляться манипулированию со стороны даже самого посредственного, но красивого человека. Но лакомясь красотой Дениса, она не чувствовала этой угрозы. С того самого дня, когда они познакомились, Ника не переставала удивляться тому спокойствию, которое испытывала рядом с ним. О своей красоте он, безусловно, знал – это Ника поняла еще после того злополучного разговора, когда она

даже толком не смогла выразить ему своего восхищения, – но взаимоотношения с ней у него явно были болезненные. Тогда же Ника поняла, что в дальнейшем о своих пристрастиях лучше помалкивать. Денис повернулся к ней.

– Что случилось?

– Просто хорошее настроение. Захотелось с тобой поделиться.

Он не смог сдержать улыбки. Ника улыбнулась в ответ, свернулась в позе зародыша и прижалась к нему. Он достал из-под нее свою правую руку и обнял.

– Я бы хотела сохранить этот момент в эпоксидной смоле, – ему бы тоже хотелось этого, но вместо радостного «неужели и ты тоже?» Ника считала с его лица недоумение. – Ну, это такой материал, в котором...

– Я знаю, что такое эпоксидная смола. Почему именно здесь и сейчас? – хотя хотел он произнести «почему именно здесь и со мной?»

– Я бы хотела сохранить в себе это состояние. Мне уже очень давно не было так хорошо и спокойно. Знаешь, этот год начался чертовски паршиво! – он встрепенулся, он готов был услышать ее признание и признаться ей в ответ. Снегопад усиливался, а небо, казалось, еще ниже спустилось к земле, сделав их мир невыносимо интимным. Он ждал. Ника молчала. Она наслаждалась близостью тел, отпускала душевную боль, даже не испытывая потребности в проговаривании событий, причинивших ее. Более идеальный момент сложно

было себе вообразить. Он почти уже было раскрыл рот – но внезапно любые слова и даже самые откровенные признания оказались неуместными и банальными. Таким комфортным и всеобъемлющим было их взаимное молчание, почти как в тот раз, осенью, когда они впервые курили вместе на улице, и сладкое воодушевление впервые за долгие годы заполнило его. Снежное покрывало становилось все толще. И без того мрачное небо стремительно темнело. Зажегшиеся фонари уперли в него свой тусклый рассеянный свет.

Ему хотелось приковать ее к батарее. Так сделал с понравившейся ему девушкой герой какого-то недавно просмотренного им фильма, и с тех пор эта картинка – Ника в наручниках у гармошки радиатора вся в его власти – не выходила у него из головы. Поначалу он еще как-то пытался оправдать эти свои фантазии нерастраченным сексуальным напряжением, которое скопилось в нем за долгие месяцы общения с Никой, но потом все же нашел в себе смелость признать, что этот нездоровый образ в его голове закоренила ревность. Он ревновал ее к учебе, к одноклассникам, к уличным прохожим, бросавшим на нее дежурный скользкий взгляд, к официантам ресторанов, наклонявшимся к ней, чтобы лучше расслышать ее заказ, – ко всему сразу и ни к кому конкретно. Чем больше времени Ника проводила в его постели, тем большим количеством деталей обогащался в его воображении этот садистский образ: на запястьях проступали

фиолетово-красные гематомы, одежда становилась все изодраннее – то левая, то правая грудь и вовсе оставалась обнаженной, – лицо становилось изможденнее, а его выражение все покорнее, глаза превращались в две огромные черные дыры...

Игорь частенько забирал ее к себе прямо из университета. Он всегда приезжал раньше назначенного ею времени и наблюдал за тем, как внимательно она выслушивает то, что говорят ей преподаватели, как стреляет сигареты у высокого шатена в парке с капюшоном из рыжего меха, с каким удовольствием рассматривает его лицо, пока рядом трещит что-то без умолку девчонка, одетая модно, но не по погоде, с каким виновато-напряженным выражением лица она общается по телефону с матерью, в очередной раз сообщая ей, что не будет сегодня ночевать дома. Сотни раз он хотел предложить, чтобы она познакомила его наконец со своей матерью, но страх услышать отказ останавливал его. Ее «нет» окончательно и бесповоротно превратило бы его подозрения в реальность: Ника стыдилась его и этих отношений. Поэтому она каждый раз врала матери про ночевки у московских подруг, просила забирать ее сильно раньше до окончания занятий или на 15-20 минут после, когда ни одного ее одногруппника во дворе уже не оставалось, а почти все совместное время они проводили у него дома, а не в публичных местах. В редкие моменты он понимал, что сам накрутил себя. Признание этого факта избавило бы его от страха оказаться

садистом-психопатом и превратило бы в обыкновенного мужика с заниженной самооценкой. И он понятия не имел, что из этого хуже.

– Дэн, привет! Как лекция? Угостишь сигареткой? А где Ника? – застрочила Лера вопросы.

– Она минут 10 назад уехала с отцом. Держи. Так себе лекция, – выдал он ей в обратном порядке ответы. Лера протянула руку к раскрытой им пачке.

– Не поняла. Уехала с отцом? Не знала, что он в городе.

– А что, обычно он перед тобой отчитывается? – ухмыльнулся Дэн.

– Обычно мне мама сообщает, когда дядя Сергей к нам в гости собирается. Он всегда навещает родителей, когда приезжает в город.

– Приезжает из командировок?

– Приезжает из Москвы, – произнесла Лера чуть ли не по слогам, как будто для туго соображающих. А потом, посмотрев на чуть приподнятую бровь и полное недоумения лицо Дэна, добавила: – Родители Ники в разводе. Уже год как, – внезапно она задумалась, позагигала пальцы. – Даже уже больше. Дядя Сергей теперь живет в Москве. В новой хате и с новой женой, как оказалось. Поначалу ездил еще чуть ли не каждый месяц, потом Ника сама стала к нему заезжать. У нас он в последний раз был перед новым годом, жаловался, что Ника не отвечает на его звонки. Пффф, а на

что он, главное, рассчитывал-то?

Внутри Дениса, словно застигнутый врасплох дикий зверек, шевельнулось неприятное предчувствие. Вспомнился их с Никой разговор у молочных полок в супермаркете. И он уже знал ответы на все вопросы, которые собирался задать Лере, но за все эти годы слишком привык не доверять себе, поэтому продолжил.

– Знаешь, он ведь довольно часто за ней заезжает в последнее время. Может, просто к вам перестал заходить? – произнес он и так сильно затянулся сигаретой, что неприятно обожгло горло.

– Да не может такого быть! Когда он в городе, он всегда звонит, даже чтобы сообщить, что, мол, заехать не успевает.

– А машина у него какая? Мерседес? – и на этот раз затянулся так глубоко, что обжег легкие.

– БМВ. А что? – у Леры пазл не складывался, и вот уже не Денис, а она глядела на него с недоумением, часто хлопая глазами.

Добежавший до самого фильтра огонек сигареты обжег пальцы – он бросил бычок на землю, хотя обычно всегда доносил до мусорки. Достал из кармана телефон, набрал номер Ники.

– Кому ты звонишь? Нике? Давай лучше я! – снова затараторила Лера.

Он одновременно покачал головой и выставил вперед ладонь, а затем, как будто внезапно потеряв к ней всякий ин-

терес, резко развернулся, произнес в трубку «привет» и зашагал прочь.

– Где ты?

– Я не дома. Ты хочешь зайти?

– Нет. Я просто хочу узнать, где ты сейчас?

– Яяя... – протянула Ника и озадаченно посмотрела на Игоря, – сегодня в гостях у друга буду. Что-то случилось?

– Что за друг?

– А что за допрос? – неожиданно спохватилась Ника, поняв, что почему-то не готова озвучивать Денису характер своих взаимоотношений с Игорем.

– Я просто не понимаю, к чему эта загадочность? Ты постоянно куда-то уезжаешь не понятно с кем. Ничего не конкретизируешь.

– Денис, зачем ты звонишь? Чего ты хочешь?

– Я... – начал было он и не смог продолжить.

А действительно, чего же он хотел от нее? Они ни разу не проговаривали характер своих взаимоотношений. Ну одноклассники. Ну соседи. Он ничего не предлагал ей. А она ничего не обещала. И все же... Все же что-то ведь было?

– Прости. Я увидел, как ты уезжаешь. С кем-то. И я просто, наверное, беспокоюсь за тебя. Ты ведь там по доброй воле? Ничего ему не должна?

– Должна? Конечно, нет! С чего ты взял?

– Не знаю. Я просто почувствовал так. Вернее, не так... Что что-то не так, – наконец сформулировал он. – И позво-

нил, чтобы спросить.

– Ну, ты спросил. И я ответила. Причин для беспокойства нет, – и она хотела добавить еще, как неожиданна и приятна его забота, но неудобно было при Игоре – он и так во все время разговор сверлил ее взглядом.

– Хорошо. Тогда... увидимся.

– Увидимся.

– Что, тебе не разрешают со мной дружить?

Один допрос закончился – начался другой.

– Мы не будем говорить на эту тему сейчас.

– Почему нет? Кто это был?

– Мой одноклассник. И мы не настолько близки, чтобы посвящать его в подробности своей личной жизни, – озвучивать при Игоре характер своих взаимоотношений с Денисом ей почему-то тоже не хотелось.

– Вот как! А мне показалось, что это мы с тобой не настолько близки, чтобы ты сочла нужным рассказать ему обо мне.

– «Не настолько близки»? Серьезно? Может, ты тогда поделишься со мной, что такое близость в твоём понимании?

– Ну, например, это когда я знаком с твоими друзьями, а твои родители без страха за твою жизнь отпускают тебя со мной в Прагу.

– Я же сказала, что он мой одноклассник. Что за детская ревность? Мне познакомить тебя со своей мамой?

– Я вижу тебя с ним и еще с этой рыжей каждый раз, когда

заезжаю за тобой. Ты проводишь с ними по 5-8 часов почти ежедневно! Не заливай мне про одноклассников. И да, хотелось бы, чтобы твоя мама узнала, что ее дочь больше не маленькая девочка и уже встречается с большими дядями!

– Моей матери вовсе не обязательно знать, с кем я трахаюсь. Это моя личная жизнь. Взрослый человек не обязан отчитываться о своей личной жизни перед родителями. А про ночевки я вру, чтобы она не волновалась. От нее практически только что к молодой девчонке ушел муж. Я не могу свалить на нее еще и это!

– Только не надо съезжать с темы, прикрываясь родственниками. Да, ты трахаешься со мной, но ты не пускаешь меня в свою жизнь. Скрываешь ото всех.

– Скрываю? Это еще что значит? – внезапно осипшим голосом произнесла Ника, совершенно обескураженная происходящим.

«Ревность – проявление неуверенности», – пронеслось в мыслях, и он осадил сам себя.

– Ладно. Я сам не расположен тратить время на лишние социально-обходительные встречи. Поехали домой трахаться.

– Ты, вроде, говорил, что купил билеты театр?

Он потянулся к углублению под приборной панелью, двумя пальцами подцепил две желтые бумажные полоски, неуклюже поднес их к открытому окну – и порыв ветра унес их прочь.

– Я соврал.

Весна на улицах города была в самом разгаре. Уютная теплота узких улочек и радовавшая глаз зелень особенно явно контрастировали сейчас с ее внутренним пепелищем. Все предчувствия оказались верными. Ее и только ее вина была в расставании родителей. Мысль о том, что в момент зарождения причины их будущего расставания она не могла принимать никаких решений, а следовательно, и нести за них ответственность, просто не могла прийти Нике в голову. Сейчас ей просто хотелось кинуться в объятия. Хотелось поплакать. Хотелось упиться жалостью к себе. Хотелось, чтобы ее любили...

Дверь отворил незнакомый мужчина. Несколько секунд они внимательно глядели друг на друга, пока из глубины квартиры не раздалось: «Моя пришла?» – и Ника с трудом узнала голос Игоря. Мужчина улыбнулся, глубоко поклонился и сделал рукой пригласительный жест. «Игорь?» – на всякий случай крикнула все же Ника перед тем, как войти. Мужчина разогнулся, и лицо его сделалось виновато-сочувственным. «Что?» – ответил ей тот же голос.

Она еще немного помедлила. И наконец вошла.

В тесном коридоре стояли ряды обуви. Дверь в гостиную была плотно закрыта и вибрировала под звуки музыки. Игорь сидел на кухне: руки под столом, голова наклонена и

слегка покачивается, спина согнута.

– Он вас очень ждал, – вкрадчиво сообщил мужчина. – Ну, не будем мешать.

Он проворно открыл дверь – на долю секунды Ника буквально кожей почувствовала вылетевшие из комнаты басы – и скрылся, снова плотно закрыв ее за собой.

Ника разулась. Почему-то на цыпочках прошла на кухню. Села за стол наискосок от Игоря.

– Что здесь происходит?

Игорь вздрогнул от неожиданности. Повернул голову в ее сторону. И долгое время всматривался, как будто пытаясь понять, кто она такая. Его волосы были всклокочены. Щеки покрыл румянец. На белках глаз ветвились красным сосуды. В такой позе он казался как будто бы меньше обычного, каким-то съежившимся.

– У меня сегодня день рождения. Вот, что происходит.

– Что? Почему ты не сказал? Я бы... – и внезапно Ника поняла, что не знает, как бы эта информация изменила ход сегодняшних событий. – Что ж. Поздравляю!

Ника так стремилась попасть к нему. Упасть в него. Забыться в нем. И вот она здесь. Абсолютно ненужная со своим горем.

– А почему ты сидишь здесь? Один?

– Я ждал тебя.

– Все это время?

– Да. Ты позвонила – и я сел здесь и сказал ребятам, что

буду сидеть здесь один и ждать тебя. Здесь.

– Спасибо, – ляпнула Ника.

И уже хотела было начать рассказывать ему о своем происшествии, но Игорь перебил:

– А твои родители тебя ждали?

– Ждали? Где?

– В этом мире! – нетерпеливо мотнул он головой.

– Спрашиваешь, была ли я запланированным ребенком?

– Да. Именно. Именно это я, черт тебя дери, и спрашиваю!

– Я не знаю. Я как раз хотела...

– Так вот а я знаю, что меня нет, – не дожидаясь Ники кинул он.

– Сегодня узнал? – искренне поинтересовалась она.

– Остришь, язвочка моя черноглазая! – Игорь интерпретировал по-своему и ухватил ее за подбородок. Она хотела дернуть головой, чтобы освободиться, но он отпустил ее раньше.

– Конечно, не сегодня. Мать об этом моему отцу все первые 10 лет моей жизни твердила. Мол, если б не Игоряша, я б сейчас с Антоном Юрьевичем, если б не Игоряша, я б сейчас с Геннадием Михайловичем... А не с тобой, плебей! А после того, как отец умер, она с этим ко мне стала в мозг соваться. Ко всем этим Юрьевичам и Михайловичам уже только в любовницы теперь можно было. И вот я снова виноват! И еще 8 лет этих «если б не ты, да кабы...»

Еще вчера на все это она бы сказала что-то вроде: «Это

было 300 лет назад», – но сегодня она сама была уничтожена событиями 300-летней давности.

– Ты поэтому пьешь? – произнесла она с сочувствием, которого Игорь, однако, не заметил. И даже больше – воспринял как очередную подколку.

– А что?! Недостаточный, по-твоему, повод?! Знаешь, девочка моя, что я тебе скажу об этой жизни? Потому что тут есть кое-что такое об этой жизни, что тебе неплохо было бы знать, – он немного помедлил, как будто бы проверяя ее готовность услышать это «кое-что». – Когда ты трезв, тебе приходится проживать каждую секунду этой жизни, и если ты повнимательнее присмотришься к каждой этой секунде, то обнаружишь, что большую часть этих секунд ты сидишь на горшке или жрешь на бегу между дико срочными встречами. И все. И ни черта больше!

В его хромоногой фразе о беспроглядности жизни было столько боли. И, хотя Ника и не была вполне уверена, была ли эта боль чистой или обязана своим рождением алкоголю, она все же положила свою руку поверх его.

– Ой. Только вот не надо! – снова проигнорировал Игорь ее сочувствие.

– А что тогда надо? – беспомощно пробормотала Ника, чувствуя, что ситуация ускользает от ее понимания.

И тут Игорь медленно поднялся. Своей головой он заслонил свет потолочной люстры – и на Нику легла тень.

– Я хочу свой подарок!

– Подарок? – теперь, когда Ника не могла видеть его губ, она как будто впервые услышала, сколь нечленораздельна его речь. И переспросила скорее больше, чтобы удостовериться в услышанном. Но Игорь снова истолковал по-своему.

– Да! У меня вообще-то день рождения сегодня, девочка! Ты вот пришла. Молодец! Ну а подарок-то где, а?

– Но я же не знала... – попыталась было Ника объяснить, все никак не беря в толк, что диалога с Игорем, или скорее с тем, что от него еще осталось после выпитого, сегодня не выйдет.

– Бла-бла-бла. Снимай это! – и он дернул ее за майку. – Будешь дарить мне себя. Раз ничего у тебя другого больше нет.

Он сказал это так, что она, не сняв ни единой вещи, почувствовала себя голой и продрогшей перед ним.

– Я не буду, – она поднялась – и на верхушке человека-скалы блеснул свет заслоненной им лампы.

Он молчал. Он не двигался. Выражение его лица в контровом свете было не доступно.

И только когда она сделала попытку обойти его, чтобы выйти из кухни, он, в свою очередь, двинулся на нее. Ника попятилась к окну. А когда пятиться стало некуда и ее спина уперлась в подоконник, Игорь навалился на нее и уставился взглядом – настойчивым и тяжелым.

– Что... – не успела она закончить, как он прикоснулся

пальцем к ее губам и покачал головой, веля молчать.

Он запустил ладонь в ее волосы и крепко обхватил череп – немного сжать, и ее нет. Наклонился и начал целовать. И это совершенно не было похоже на их привычные поцелуи. Вернее, это совершенно не было похоже на поцелуи в принципе. Он как будто пытался откусить от нее кусок.

«Ай. Мне так не нравится», – выкрикнула Ника, но в реальности из-за присосавшегося к ней Игоря раздалось лишь недовольное мычание.

– Ах, тебе не нравится! – и он навалился сильнее на ее тело, вцепился сильнее в ее губы.

Она попыталась оттолкнуть Игоря, но его крепкое тело, словно песок, поглотило энергию ее ударов. Ника закричала. То ли на крик, то ли по совпадению на кухне появился вступивший ее в эту квартиру мужчина.

– Отстань ты от девушки! Она не расположена, – и он дернул Игоря за плечо.

Игорь резко развернулся к вошедшему и одновременно с тем так сильно прижал Нику к подоконнику, что раздался хруст. Его услышали все трое. И все трое замерли. Мышцы Игоря на долю секунды расслабились – и Ника тут же вынырнула из-за него на середину кухни. Но уже следующее ее движение было прервано рукой Игоря, схватившего ее за куртку. В кухне раздался еще один хруст. Она попыталась вывернуться из порванной куртки, но Игорь все еще крепко сжимал ее в своей руке, одновременно подтягивая Нику к

себе. В бессилии она невольно упала перед ним на колени.

– Пожалуйста, не надо. Пожалуйста, можно я уйду, – вырвалось из нее – и на кухне раздался очередной хруст, но услышала его только Ника, окончательно сломавшаяся от всего происходящего.

– Ты останешься здесь. Со мной. Потому что Я ТАК ХОЧУ!

Игорь повалил Нику на пол. Ее ноги он прижимал весом своего тела, ее руки держал плотно прижатыми к полу, а другой свободной рукой пытался расстегнуть пуговицу на ее штанах. Находящийся на кухне мужчина периодически хватал Игоря за руку, обхватывал его за талию и пытался оттащить, но Игорь отмахивался от него, как он назойливой мухи, с невероятной для упитого в хлам человека быстротой.

– Пожалуйста. Пожалуйста, – вновь и вновь умоляла Ника, не в силах подобрать ничего более убедительного.

– Сейчас. Сейчас. Все будет, – шептал ей в ответ Игорь, совершенно не понимающий истинного смысла ее просьб.

И вот в какой-то момент Игорь, измученный неподдающейся пуговицей на Никиных штанах и назойливостью своего гостя, взревел, вздев обе руки к потолку и одновременно немного привстав на коленях. Этой пары секунд Нике хватило, чтобы с силой оттолкнуться от его тела и проскользнуть по полу до самого дверного проема. Вскочила на ноги, одновременно развернувшись, – и в коридор. Схватилась за замок – распахнула дверь. С обочины сознания донеслось: «Обувь!»

Подцепила с пола первую попавшуюся под руку пару – и на площадку. Пролетев вниз пару лестничных пролетов, Ника услышала над собой не крик, но вой Игоря. Это был дикий рев об утерянной голодным хищником добыче. Пара человеческих голосов раздалась следом. Они уговаривали Игоря вернуться домой. Уговаривали зверя прервать охоту. А Ника продолжала бежать. Бесшумно. Босиком по холодным бетонным ступеням. Постепенно, пролет за пролетом голоса и вой становились все тише, все отдаленнее. Когда Нике стали слышны только звуки сбившегося дыхания и колотящего в уши сердца, она наконец перестала бежать, села на ступеньку и затряслась в беззвучном рыдании...

Она стояла на пороге его дома насквозь промокшая, на лице – две черные дыры глаз, на босых ногах – тряпочные мужские туфли на пару размеров больше.

– Впустишь? – спросила она и действительно стала дожидаться его ответа.

Он кивнул и отступил, дав ей путь. Внутри он помог ей снять мокрую одежду, высушить ее волосы полотенцем, переодеться в теплое.

Шум закипающего чайника наполнил кухню. И, когда спустя пару минут чайные пакетики отдали воде свой аромат и цвет, Ника наконец-то озвучила то, что носила в себе с самого утра этого злополучного дня.

– У меня больше нет отца!

Кружки дымящегося чая в руках Дениса слегка стукнулись друг о друга.

– Мои соболезнования, – речевой аппарат выдал дежурную фразу раньше, чем суть информации дошла до сознания Дениса. Пока он – вперившись в Нику взглядом и с полуоткрытым от удивления ртом – пытался подобрать подходящие слова для продолжения диалога, Ника замотала головой и обильно зажестикулировала.

– Аааа. Нет. Никто не умер. Ну, то есть, может, мой настоящий отец уже и умер. Я просто не знаю. Но этот жив. Но он не мой отец на самом деле. Знаешь, я просто искала документы... какие-то документы, боже, я даже не помню, что и зачем я искала! Кажется, это было 1000 лет назад, а на самом деле всего лишь этим утром, – Денис наконец-то поставил кружки на стол и сел. – Короче я нашла ДНК-тест на отцовство – и, кажется, мне окончательно снесло крышу.

– А ты уверена, что все правильно поняла?

– Да. Я звонила маме. Она подтвердила. Отец тоже. То есть. Не отец который. Так что это не моя травмированная психика придумала. Они и вправду развелись из-за меня. Знаю, я не рассказывала. Как будто оно перестает существовать, если ты этого не озвучиваешь.

– На самом деле я знал. Ну, про развод. Лера рассказала. В тот день, когда я тебе звонил с допросом. Извини, – его окатила неприятная волна воспоминаний.

– Тебе не за что извиняться. Ты беспокоился обо мне. В то

время как моя мама даже ни разу не перезвонила мне сегодня. А мой отец и вовсе оказался не отцом, – Ника ухмыльнулась, но всего на долю секунды, так что ямочка на щеке даже не успела толком оформиться. – Это так банально. Ты читаешь статьи о жертвах природных катаклизмов, домашнего насилия, родительского развода и думаешь, что если бы ты оказалась в подобной ситуации, то у тебя все было бы по-другому, ты бы справилась, ты бы стала сильнее... А на деле так же как и сотни тысяч детей до тебя мучаешься от чувства вины, плачешь в подушку и ищешь эрзацы отца в каждом встречном. Я так сильно хотела вернуться туда, где меня любят просто за то, что я есть, – голос Ники затих до шепота, а из глаз покатались слезы. – Я думала, что эти отношения излечат меня, а они меня чуть не убили.

Он накрыл Никину руку своей – она поднесла ее к губам и уткнулась в нее лицом. Когда она наконец разжала пальцы, чтобы, увлажненную слезами и затекшую, выпустить его ладонь из своих, – чай уже остыл.

Они лежали на кровати, пока мир за окном неистово рыдал, завывал и громыхал. И здесь – подле Ники, крепко сцепив ее руку со своей в замок – он наконец нашел силы с начала и до самого конца прокрутить у себя в голове воспоминание того утра, которое тысячи, миллионы раз за эти четыре года обрывал, стремясь потерять его, стереть, предать забвению. Но оно вторгалось в его обыденность, которой стала его

жизнь без нее, режущими глаз красными вспышками, колющей болью в межреберье, сдавленными до невозможности как вдохнуть, так и выдохнуть легкими. В то утро он рано проснулся – солнце только-только поднималось над горизонтом. Ему приснился удивительно бодрящий сон, в котором они с Лидией бегали по затопленному закатными лучами полю плодоносящих одуванчиков, и те разлетались в разные стороны и взмывали в небо бесчисленными белыми зонтиками. Ему так нестерпимо хотелось поделиться с сестрой эмоцией этого сна, что он чуть не забыл натянуть трусы. Он подскочил к двери ее комнаты, дернул ручку – дверь оказалось заперта. Это показалось ему странным. «С чего вдруг?» – тревожно пронеслось в голове. Он пару раз тихонько постучал в дверь – ничего. Тогда он хотел было постучать настойчивее и громче, но, не успев поднести кулак к двери, передумал и пошел на кухню за ножом. Навалившись на дверь, он загнал запирающий язычок в паз, а затем поддел его ножом и отодвинул. Дверь подалась и он вошел. Сестра лежала с головой укутавшись в одеяло. Он на цыпочках подобрался к ее кровати, присел на корточки и схватился за край одеяла....

– Знаешь, там внутри все было таким красным. Влажным. Когда я поднял вверх одеяло, кровь закапала с него на простынь. Оно было таким набухшим и жутко тяжелым. Она лежала ко мне спиной, свернувшись словно младенец в утробе. Белая кожа. Выступающие позвонки, казалось, до предела

растянувшие кожу – вот-вот порвется. И вся она была такая маленькая. Хрупкая. Когда я взял ее за плечо, чтобы развернуть к себе, я не боялся, что она окажется мертвой, – в этом я был уверен, – я боялся, что она в момент рассыпется на мелкие кусочки, и я не смогу еще раз взглянуть на ее лицо. Лицо, которое она считала некрасивым. Лицо, без которого я не мыслил своей жизни.

– Ведь ты никогда даже не испытывал этого одиночества посреди толпы, среди друзей, в семье? Любимчик всех девочек, пример для подражания для всех парней. Ты вообще знаешь, что это такое, красавчик? Одиночество? – Лидия вперила руки в бока и уставилась на Дениса.

– И что? – опешил он от ее обвинительного тона. – У меня просто оптимистичный темперамент! А тебе все лишь бы поводы для своей меланхолии состряпать.

– У меня для меланхолии поводов нет. Есть только веская и не единожды озвученная причина.

– Твоя причина – это пубертат. Это просто надо пережить. Через 2-3 года отпустит.

– Да я не вынесу эти 2-3 года, ты понимаешь?! За последние месяцы я пропустила больше занятий, чем за все 7 лет обучения. У меня больше сил нет сносить эти сочувственные взгляды. Меня до сих пор не утопили только потому, что брат-красавчик. А что я буду делать, когда ты свалишь в универ? – в последнее время Лидия часто употребляла ка-

кие-то неприятные и сильные слова: «утопили», «разодрали и растащили», «выкинули на задворки восприятия», «обескровили безразличием». Он пытался убедить себя в том, что это у сестры такие вербальные эксперименты: с самого детства она изъяснялась почти что литературным слогом.

– Лид, да прекрати ты, в самом деле! Вбила себе в голову какую-то ерунду и нагнетаешь, – ему тут же стало жутко неприятно от жесткого тона сказанного. Он наклонился к сестре, взял ее за подбородок и приподнял так, чтобы ему стало удобнее смотреть ей в глаза. – Ты прекрасная курносая девчонка. Да, угловатая и дерзкая, как и большинство подростков. Но никак не уродливая. Никто не смотрит на тебя с отвращением, никто не выкинул тебя на задворки восприятия, никто не общается с тобой только потому, что у тебя есть старший брат, – он уже почти было сказал «красавчик», но вовремя остановился.

– Твои слова от любви, а не от объективности, – тут же воспользовалась Лидия возникшей в его оде паузой и убрала его руку со своего подбородка.

Лучи солнца, прорывающегося сквозь густую листву деревьев под их балконом, скакали по лицу Лидии: с губ на щеки, со щек на лоб, со лба обратно на губы. И в этом движении было столько жизни, тепла и сочности настоящего. Он видел все это. Он чувствовал все это. Но не знал, как можно это выразить словами. У него не было таланта Лидии. Он разогнулся, а маленькая и серьезная Лидия с танцующими солнечны-

ми кругами на лице осталась внизу. Одной рукой он притянул ее к себе за макушку – лицо уткнулось ему в солнечное сплетение, – другой рукой он обнял ее и прижал еще крепче. Через некоторое время Лидия, пробормотав в его солнечное сплетение «мне нечем дышать», растрепанной и уже успокоившейся вывернулась из его объятий. Они еще немного постояли молча, глядя друг на друга и улыбаясь. А потом Лидия резко развернулась и сделала шаг к балконной двери. Перед тем, как исчезнуть в темном проеме, она обернулась, чтобы посмотреть на Дениса. Валик предчувствия тут же бешено завертелся в нем, но штифты его цепляли зубья не настроенной гребенки – хаотичные звуки интуиции не складывались в мелодию.

Возможно, если бы я тогда смог правильно истолковать ее взгляд, ее безмолвную просьбу, задать правильные вопросы, разглядеть ее усталость и отчаяние, она бы нашла в себе силы остаться в этом мире. Возможно, тогда мне надо было быть не безусловно любящим братом, но стать внимательным слушателем. Мне надо было услышать то, что она говорила мне, а не отрицать всеми возможными способами. Она говорила так, как чувствовала. Это одиночество так глубоко жило внутри нее. Черт! Возможно, она и вправду была уродливой. И мне стоило признать это тогда, чтобы спасти ей жизнь. Я не знаю, – он впервые даже для самого себя озвучивал эти размышления. Он впервые позволил мыслям свободно течь

в самые темные и страшные руслу.

– У тебя есть ее фотография? – Ника приподнялась на локте, чтобы увидеть его лицо.

– Да, – Денис поднялся, не выпуская ее руки из своей, наклонился над прикроватной тумбочкой и открыл ее. – Вот.

Ника осторожно взяла фотографию. Иссиня-черные волосы. Губы, как у Дениса. Такая же как у него щербинка меж зубов. Да, чрезмерно курносый нос-пуговка. Да, пухлые щеки. Зато какие огромные и ясные глаза! Неуклюжая внешность подростка, одним словом.

– В ее смерти нет твоей вины, – произнесла наконец Ника после долгого молчания.

– Тогда почему, если я все говорил и делал правильно, она не услышала меня? Почему она не подумала о том, как больно будет мне? Как больно будет родителям? – он затрясся в безмолвном плаче и надавил на глаза пальцами, как будто боясь, что одной силы воли не хватит, чтобы сдержать подступившие слезы.

– Она была подростком. Возможно, она даже не осознавала, что смерть – это навсегда, – Ника поднялась, подтянула ноги и обняла Дениса сзади. Его тело сотрясилось все сильнее. И с очередным раскатом грома за окном из него вырвался дикий, пронзивший Нику на мгновение страхом крик. Он развернулся к ней, расцепив замок их рук, крепко обнял и навзрыд заплакал, уткнувшись в ее плечо.

Когда мать Дениса привычно без стука распахнула дверь в его комнату, она увидела их спящими. Они лежали на кровати валетом – Денис на спине, а Ника на боку, прижавшись к нему, – одной рукой он держал ее ладонь у своего сердца, другая его рука покоилась на ее голове. От этой картины какая-то струна внутри женщины нестерпимо натянулась и лопнула. Она почувствовала внезапную легкость и даже на секунду испугалась, что оторвется от пола и неизбежно ударится головой о потолок. Она улыбнулась своим отчаянно глупым мыслям и еще шире при очередном взгляде на своего сына в объятиях девушки. Он не поедет с ними в очередную командировку. Он пустит здесь свои корни. С ней. И естество его наконец-то наполнится жизнью, а жизнь – жаждой быть здесь и сейчас.